

Министерство культуры Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Александр Барвинок

Законы симметрии

Стихи

Русское эхо
2015

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

Б 24

Памяти отца моего

Барвинок А.А.

Б 24 **Законы симметрии: Стихи.** — Самара: Русское эхо, 2015. — 32 с.

ISBN 978-5-9906762-0-6

«Законы симметрии» — второй поэтический сборник самарца Александра Барвинка.

ISBN 978-5-9906762-0-6

© Барвинок А.А., 2015.

© Русское эхо, 2015.

ЧЕРНОВИК

Не рисуй, художник, прошлое, не рисуй,
Оживут сюжеты, пожнёшь сполна:
На картине, сделанной на весу,
Скрыты краски старого полотна.
Выбираешь тщательно новый холст,
Всё впервые набело, тишь да гладь,
А они торчат, как разбитый мост,
До опор которого не достать.
И чего ни выдумал новый век,
Чтоб стирать, замазывать и крушить;
Черновик раскрашивал человек,
А оно вон вышло как — чья-то жизнь.

ДЕМИУРГ

Время уже далеко за полночь,
А ему не спится.
Ночь какая-то хрупкая, из стекла.
Души опять слетаются, словно к кормушке птицы,
И он разноцветной кистью рисует для них тела.
Тщательно прячет немые, наивные души
Под говорящих красок ненужный гнёт.
А кто-то, уверенный, знает, как сделать лучше,
И кто-то, бесстрастный, опять за весы встаёт.
Пытаясь соединить белый снег и пламень,
Не ради себя старается, ради них,
А кто-то, безгрешный, готовится бросить камень,
Так принято у безгрешных: бросать в своих.
Луна пролетает быстрая, как комета,
И где-то внутри разливается страха лужа.
А вдруг так получится: утром не хватит света,
Чтоб краски наполнить тем цветом, который нужен.

ЧЕРТОПОЛОХ

Поговорили — уже неплохо,
В наши дни — редкость, диво.
Поле, покрытое чертополохом,
Издали кажется нивой.
То ли характер такой игольчатый —
Ничего не растёт.
Вон звенят обид колокольчики,
А который уж год?
Пусть. Под снегом не видно осени,
А внутри
Столько всего непонятого носим мы,
Разбери...
Каждой обиде свой голос выкован,
Строен хор.
Тот, кто надёжней, привычней и ближе к нам,
Бьёт в упор.
Мы, убегая от окрика звонкого,
Прячемся в глушь,
Там бережёт и щадит перепонки нам
Равенство душ.
Взглядом по полю скользишь рассеянно,
Ищешь подвоха.
Вроде — твоё, а уже засеяно
Чертополохом.

МОТЫЛЬКОВОЕ ВИНО

Ты опять не готова потребовать главную роль
И упрямо летишь на невнятные кубики света.
А в высотных домах мотыльков принимают за моль,
Но, как все мотыльки, ты не слушаешь добрых
советов
И упрямо летишь в приоткрытое кем-то окно,
Покидая цветы безнадежно полынного цвета.
Мир жесток к мотылькам и поэтому очень давно
Мотыльковым вином отмечает короткое лето.
Этот вкус — сочетание наших потерь и страстей.
Он в манящем тепле, он в луне, провожающей день.
У летящих на свет не бывает окольных путей,
И трепещет в проёме окна мотыльковая тень.

* * *

Вот так вот и сидим, нальёшь — помянем,
И дерево склонилось на восток.
Убрать траву и вымыть пыльный камень,
И хлеба положить кусок.
Вдвоём всегда сподручнее и проще:
Распределяешь, что кому везти,
И дел у нас с тобою много общих.
Успеешь еле-еле обойти.
Да как же так, да что же ты, мой бедный,
Моей заботы было ли как раз?
Сейчас она особенно заметна,
Слеза у глаз.
Привязана калитка, так вернее...
Отмеряли последнюю межу.
Пора идти, так рано вечереет.
Ты извини, теперь не провожу.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Что-то останется там, во «вчера»,
Так и ненайденным, «неизвестным»,
Просто «сегодня» такая пора:
Не для всего в ней находится место.
Есть «постоянная» — точка угла
Зрения, но продолжения линий
Нас поднимают из-за стола
И заставляют идти вслед за ними,
Переходить через камень и вброд,
Непонимание, ссоры, обиды.
Трудно держать над тобой небосвод,
Если ты хочешь подводного вида.
Зря мы мечтаем о чём — то взамен,
Нет в продолжении жестов просящих,
И для вчерашних незыблемых стен
Сложно пожертвовать днём настоящим.
Даже с ненастным, простуженным днём
Сложно расстаться, как с донорской кровью,
Руки, которые держишь на нём —
Руки, протянутые к изголовью.
Снова неровные кромки игла
Соединяет как две половины.
От неизменной точки угла
Зрения... и в продолжение линий.

ГЛИНЯНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Лепит из пластилина
Скалы, поля и горы,
синей реки долину
и водопада гроздь.
Я тебя не оставляю,
я тебя не покину,
я создавал картину,
чтобы тебе жилось.
Мальчик, дитё, ребёнок
вылепил человека;
лепка людей — искусство,
жертвенность и талант.
Не пожалеть силёнок,
не позабыть про чувства,
чтобы не стал калекой
вылепленный атлант.
Мягкая эта порода
тает, так быстро тает,
прямо в руках, бывает,
проистекает жизнь.
И создаётся природа,
и называется раем,
но и из этого рая
кто-то зовёт: «Сбежим!»
«Они же такие живые», —
слышен довольный шёпот.
«Они же такие родные...
Что для них сделать, что жé?»
— Хочешь, сынок, попробуй,
смело бери мою глину.
— Нет, мне твой глиняный опыт,
Кажется, не по душе.

ПРОСТИ

За то, что иногда я был скупым и чёрствым,
В тревожной темноте не разводил огня,
Что докучал порой бессмысленным упорством,
Пожалуйста, прошу, за всё прости меня;
За то, что не согрел, отбросив равнодушие,
И холод фраз моих мог больно обжигать.
Я снова уходил, как раз когда был нужным,
Пожалуйста, прости, прошу тебя опять.
За ложь и суету, ненужные сомненья,
За массу мелочей нелепых и пустых,
Особенно прошу простить за те мгновенья,
Когда я знал слова, но глубже прятал их.
За дерзость и корысть в заманчивой оправе,
За то, что скучным был и заражал тоской,
За то, что иногда я вовсе был не вправе
Волненью подвергать и нарушать покой.
С последнею строкой вздыхаю обречённо,
Вдруг что-то позабыл и тороплю финал,
Прости, что говорю всё это в «день прощённый»,
В любой другой бы день я снова промолчал.

ГОРОДСКАЯ ВЕСНА

Городская весна обнажает симптомы болезни,
От спокойной зимы замедляются ритмы сердец.
Говорят, витамины и солнце нам будут полезны,
Но короткий февраль — это вовсе зиме не конец.
И, цепляясь за мрачные дни приходящего марта,
Одиночество, чёрствость, усталость, тревога, тоска
Забиваются красной строкой в медицинскую карту
И в аптечных пилюлях зовут утешенья искать.
Наши мудрые предки, наверное, тоже страдали,
И, должно быть, от этого с первой недели весны
Разрисованных кукол на тесных полянах сжигали,
И пекли друг для друга весеннего солнца блины.
И от этого им становилось намного теплее,
Одиночества след уменьшался в размерах своих.
А теперь мы другие и кукол сжигать не умеем,
От того и весна городская больше других.
Но ещё говорят, что болезни — как те же привычки:
Избавляться от них нужно быстро, пока горячо.
Так давай же, вставай! Я пришёл за тобой, видишь —
спички!
И возьми меня за руку: скользко бывает ещё.

ПЕРЕПРАВА

Ваши пальцы утонут
 в моей руке.
Я не знаю законов,
 по которым нам вместе жить.
Но в отчаянья миг
 мы спешили к одной реке.
И искали, на чём
 мы сумеем её переплыть.
И пока мы плывём,
И наш плот не попал
 на мель.
Мы в порыве святом
 отпускаем друг другу грехи.
Как же это назвать?
Да, наверное, просто живём
И не знаем, что будет на том
 берегу реки.
И теперь никого
 на земле нет роднее нас,
И уже громче окриков
 слышится сердца стук.
Только не отводи
 этих преданных добрых глаз.
Только не опускай
 мне навстречу протянутых рук.

НАЗВАТЬ МОЛОДЦОМ

Этот мир, что заброшен отцами
И одет материнскою жалостью,
Молодцами живёт. Молодцами!
Так меня назовите, пожалуйста!
Потому что прилежна и день ото дня
Я готова вылазить из кожи,
Лишь бы рядом идущий поверил в меня,
Чтобы я в себя верила тоже.
Но, похоже, прилежность сейчас не в чести,
И от наших коротких свиданий
По дороге, которой мне нужно пройти,
Разлетается пух ожиданий.

МОТИВ НЕРУДЫ

Скачет по миру полночь на вороной кобылице,
Прячутся в небе травы — синие колоски,
Первые звёзды ночи клевали вороны-птицы,
Души, как звёзды, светят, если они близки.
Я каждый вечер склоняюсь, плету и чиню свои сети,
Брошу в глаза твои сети, в морскую их глубину.
Ночь моего одиночества твой прогоняет ветер,
И я как моряк, который молча идёт ко дну.
Взглядом тебе сигналию, даже машу руками,
Своё обрати внимание: можно спасти пока.
Но ты отвечаешь туманом, скал прикрывая камень,
И безучастно море около маяка.

ВОКРУГ НАС

Если ты хочешь, стану свечой,
Той, что разгонит мрак,
Эхом я помню наперечёт
Каждый навстречу шаг.
Эта дорога, которой идём,
И называется — рай.
Видишь, на ней мы с тобою вдвоём,
Только не умолкай.
И разреши мне быть эхом, свечой,
Нас по дороге вести,
И обопрись на моё плечо,
Если устала идти.
Только, пожалуйста, не забывай:
Тот, кто горит — тот слеп!
Он не всегда разглядит, где край,
И иногда нелеп.
Пусть бесконечен пути пунктир,
Но посмотри сейчас:
Новый вокруг образуется мир,
Созданный ради нас.

ПАСХАЛЬНОЕ

Даже Богу, наверное, сложно
Нам, неверящим, доказать:
Воскрешенье, оно ведь возможно,
Нужно просто хотеть воскрешать.
В лабиринте с выходом ложным
Он оставил нам тонкую нить,
На земле быть счастливым возможно,
Нужно просто суметь полюбить.
В миллиарде дел неотложных
Он нам главное смог показать:
Жизнь отдать — это вовсе не сложно,
Если ты научился прощать.

ПЛЫВЁТ ПАРОХОД

Плывёт пароход — продолжение жизни.
Начищен, как
будто спешит на парад.
Плывёт бесконечно из верхнего в нижний,
Из нижнего в верхний, вперёд и назад.
Сшивает неровные времени части,
Ведя за кормой белопенную нить,
А счастье — оно ведь безногое счастье
И может по свету летать или плыть.
Идёт пароход, у него назначение,
Как будто он должен кого-то спасти
И мысль доказать, что всему есть течение,
Что всё есть этапы большого пути.
Поможет он справиться с хворью любой,
Что в душу ползёт из болеющих тел.
И только понять бы, кто рядом с тобою,
А кто остаётся сейчас не у дел.
Плывёт пароход, бесконечна дорога,
Скупые причалы и мудрая даль.
И, кажется, что остаётся немного,
И, может быть, главное ты повстречал.
Что нет никакого вселенского смысла,
Всё тот же рисунок за каждым бортом,
Но смотришь и ждёшь,
А реки коромысло
Тебе ненавязчиво шепчет о том.

ГЕРДА

Аварийный выход — налево,
Выдавить шнур, и стекло — в осколки.
Истина — снежная королева,
Жаль, постигается поздно только...
Только... вперёд, вопреки злословию,
Выше герб.
В мире цену дают баснословную
Гордости герд.
Сытый, довольный кай отвоёванный,
Взгляд боевой,
Древними рунами татуированы
Руки его.
Лёгкости мало, много усердия —
Вывод простой:
Было же лучше с льдинкой в предсердии,
Хуже — с водой.
Как убежать от кривой условности
Старых квартир?
Вот начинает бесить бескровностью
Медленный мир.
И продолжает пытаться бессонница,
Не повезло.
Трудно назло обострившейся совести
Выбить стекло.

СЛУЧАЙНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Между случайной весенней метелью
И самым первым проливным дождём,
В картине, нарисованной пастелью,
Мы за окном, застыв, чего-то ждём.
Там жизнь кипит, там борется природа
И выживает в этой суете,
А мы, сумев сбежать от непогоды,
Недвижные остались на холсте.
Открыть окно, впустить весенний ветер,
Поймать крупницу беспокойных сил,
Но вместо этого я даже не заметил,
Как свет во всей квартире погасил.
А ветры ищут способы ретиво
Пробиться внутрь, перевернуть вверх дном.
Как будто им не нравится картина
С зияющим, чернеющим окном.
И, брошенные нами до рассвета,
Они тоскливо продолжают выть.
И данное развитие сюжета
Ни мне и ни тебе не изменить.
Ты говоришь, как только выйдут звёзды,
То станет лучше и тебе, и мне,
Но, знаешь, просто нужен свежий воздух,
Пусть даже в нарисованном окне.

СТУК КОЛЁС

«Случилось, отпускаю, уходи
В отчаянье своих противоречий.
Ты сам мне говорил, что время лечит,
Я больше не собою тебя с пути...
Возможно, что за хрупкостью стекла
Вдруг покажусь надменной и капризней,
Но я за эти месяцы сожгла,
Наверно, все несчастных девять жизней.
Теперь не оттолкнуть, не потерять,
Но никогда уже не прикоснуться.
Не я, а просто холод октября
Тебя заставил в этот миг проснуться...
Как хочется не стать твоим врагом,
Приманкой ли, ловушкой, где-то между
И от себя самой тебе тайком
Не подавать сомнительной надежды.
Так хочет осень листья у берёз
Спасти под мягким снежным одеялом...»
Она бы многое ещё сказала,
Но он уже лишь слышал стук колёс...

ЗАКОНЫ СИММЕТРИИ

Время, вагоны и километры —
Путь из «вчера» в неизвестное «скоро».
Мы изучаем законы симметрий,
Чтобы принять их или оспорить.
Но в асимметрии, псевдонауке,
Кто-то по центру, а кто-то за краем.
Так, без конца отражаясь друг в друге,
Мы отражения не замечаем.
Там у тебя перелётные птицы,
Берег и парки в травах зелёных,
А у меня за окном снег ложится:
-14, день всех влюблённых.
И ничего не бывает случайно,
Каждому шансов выдано много,
Только потом не смотреть бы печально,
Как мы свой путь превратили в дорогу.

ЖУРАВЛЬ

От грозowych аккордов стонет квартирная клеть,
Только бы мне удержаться в заветных рамках,
Только бы завтра с рассветом суметь взлететь,
А не тащиться в нижних слоях подранком.
Я не сошёл с ума, но дожди, дожди
Вот зарядили, аж на неделю, не менее.
В небе теперь журавли никому не нужны
И на земле проводят остатки времени.
Завтра уйдут облака, открывая простор,
Сетуют рядом родные, трезвые лица,
Грустно лепечут: «Скажи, до каких же пор...
Ты же давно уже здесь, и теперь синица».
Там, в облаках, даже песни не так звучат,
Здесь можно петь и громче, и веселее.
В старые дрожжи капает сладкий яд
И по душе растекается вязким клеем.
Как ни хотелось бы рваться, но надо решать,
Тело немеет, и сам вслед за ним немею.
Старого неба исписанная тетрадь,
Жить без неё и смысла-то не имеет.

ИЛЛЮЗИИ

Говоришь себе: «Не обманывайся, не спеши,
Будет лучше, когда всё останется так, как есть».
Только метко брошенный камень на дно души
Не даёт успокоиться, вырваться, спать и есть.

Устают от «дневного» света, болят глаза,
Закипает густое серое вещество.
Но лишить человека иллюзий никак нельзя,
Это будет другое высшее существо.

Выбираешь себе границы, в которых мир —
Только вздох... И случайность рушит систему мер.
И остался таким незыблемым ориентир,
Просто есть у судьбы поправка, другой пример.

Научиться прощать кому проще сказать «прощай»
Оказалось сложнее любой жертвы, любых забот.
Мысль хотя бы изредка навещать
Начинает твоим иллюзиям новый счёт.

В УНИСОН

Снег с дождём в унисон,
Этот вечер рождён
На короткую жизнь,
А не годы.
От желаний моих,
Пусть простых,
Пусть земных,
Непогода,
Кругом непогода.
Снова рвётся тетрадь,
И опять
Догонять
Ледяные осенние воды.
И когда-нибудь я
Научусь отпускать
На свободу,
На злую свободу.
Я из лиги невежд,
Якрушитель надежд,
Но ты снова решишься на это.
Для двоих человек
Быть как дождь
И как снег...
В унисон,
Если кончилось лето.

ЗА СПИНОЮ

Память стирает знакомые лица,
Тоньше становится мир с каждым годом.
Бабушка, кто же научит молиться,
Сказку расскажет про доброго бога?

Старше, острее цепляем детали,
Реже гуляем по тёмным аллеям.
Нежно и тонко лелеем печали,
Не замечая тех, кто стареет.

Снимок, пальто старомодного кроя
Где же теперь разыскать в настоящем?
Всё, ты один, никого за спиною,
А обернуться тянет всё чаще.

ОТРЕЧЕНИЕ

Я преступник, каких немного,
Проповедовал блажь и домысел,
Допускал сомнения в Боге
И порочил святой промысел.
Кто я есть, чтобы так легкомысленно
Не найти ничего умней,
Чем протягивать руки к истине
И мечтать прикоснуться к ней.
Седина осыпает голову,
Кисти рук покрывает медь.
Я не знаю другого голода,
Чем коварное — «не успеть».
Лишь под утро в борьбе отчаянной
Побеждают безумца сны,
И я вижу необычайные
Океаны далёкой Луны,
Гребни скал, что над ними высятся,
И скупые прожилки рек...
Кто я есть, чтобы спорить с мистикой,
Так любимой тобой, человек.
Кто я есть, чтоб моё учение
Тебя сделало сиротой,
Если хочешь, прими отречение,
Если можешь, дай мне покой.
Пощади беспокойное сердце и
Не порви истончённую нить.
Если вдруг она всё-таки вертится,
Как же тянет ещё пожить!

РАЗГОВОР В КУПЕ

Вы меня извините, но в ваших глазах печаль,
Я столько грусти в глазах не встречал до сих пор.
А проводница в купе нам предлагает чай,
Не понимая, что чай — не под наш разговор.

Это надо же было так спрятаться между страниц,
Затеряться в той книге с закладкой на нашем столе.
И, смотря на дрожание ваших чудесных ресниц,
Я опять понимаю, как грустно на этой земле.

Грустно ранней весенней порой возвращаться домой.
Грустно, слепо заботясь о близких, мечтать о любви.
И ни с кем, никогда, ни за что не делиться мечтой,
И я верю, что вы, как всегда, безнадежно правы.

Рано поняли мы, что нам дали короткий надел,
Словно глупые белки, вцепились в колёса свои,
Да, возможно, я в жизни не так уж и мало успел,
Да, весьма вероятно, немало успели и вы.

Я себе удивляюсь, как я неожиданно смел,
Просто очень мечтательны вы в полусвете окна...
И простите меня, я вам в душу залезть не хотел,
Мне пора выходить, вон и крыша вокзала видна.

ВЫСШАЯ МЕРА

Вот и орёл, и гора, и попробуй тронь,
Искры такие будут, что не отвертеться.
Самое время сейчас добывать огонь,
Это будет лучшая из погонь,
Не остывай, я кладу на твою ладонь
Часть не сгоревшего за ночь сердца.
В зарево осени вечной, как солнца лик,
Мы погружаемся медленно каждый миг.
Знаешь, она, наверное, проводник,
Кто бы во что там ни верил.
То беспокойным шёпотом, то на крик —
Главное — этих звуков понять язык.
Тот, что смешался с нашими, — растворён,
Слышится на пределе.
Кто не научится, тот обречён, и он
С неба не сможет вниз уносить огонь,
И бесконечной участью приговорён
К осени высшей мере!

АПОКАЛИПСИС

В эклектике этих улиц мне страшно одной остаться.
Давай никогда не будем две вещи — прощаться
и ждать.
В квадрате чужих измерений мы лет проболтаемся
двадцать
И выйдем оттуда, как только нарушим седьмую печать.
И каждый мой волос будет мерцанием бережных
строчек,
И чтобы всем стало ярче, я их заберу в пучок.
А ты проведёшь ладонью до самой последней точки,
Как жаль, что за все эти годы ты их прочитать не смог.
Возможно, тогда перед нами откроются новые дали,
Где нет ни песка, ни щебня, чтоб было удобней идти,
Но шепчет какой-то голос: « Устали, вы очень устали».
Вот так и сейчас он слышен и сводит тебя с пути.

ТВОЯ КНИГА

В книге, которую ты напишешь, сейчас зима.
Нет, не морозы, а просто холодно лицам.
И отвечая коротко: «Я сама» —
Располагаешь меня на её страницах.
Ты наметаешь ласково новый снег,
Как он мерцает, твоими блестя словами,
Разных героев тысячу человек
Ты размещаешь бережно между нами.
Каждому дашь немного твоей судьбы,
Каждый спешит к теплу вопреки сюжету.
А тот дымок, что из нашей идёт трубы
С этой страницы в прошлое тянется лето.
Всё перепишется, нет никакой беды:
Снега уже насеяно добрую лигу.
Где-то под ним затерялись мои следы —
Не отвлекайся, пока не закончишь книгу.

Содержание

Черновик	3
Демиург.....	4
Чертополох	5
Мотыльковое вино.....	6
«Вот так вот и сидим, нальёшь — помянем...».....	7
Точка зрения	8
Глиняные человечки	9
Прости.....	10
Городская весна.....	11
Переправа	12
Назвать молодцом.....	13
Мотив Неруды	14
Вокруг нас	15
Пасхальное	16
Плывёт пароход	17
Герда.....	18
Случайный пейзаж.....	19
Стук колёс	20
Законы симметрии	21
Журавль	22
Иллюзии	23
В унисон.....	24
За спиною.....	25
Отречение.....	26
Разговор в купе	27
Высшая мера	28
Апокалипсис	29
Твоя книга	30

Литературно-художественное издание

Александр Алексеевич Барвинок

Законы симметрии

Стихи

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Ольгу Васильевну Рыбакову,
Лидию Алексеевну Анохину

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 29.04.2015. Формат издания 84x108/₃₂.

Объём 6,72 печ.л. Гарнитура Georgia.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 400 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru